

Петроградъ, дозволено военной цензурой 1 октября 1916 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Дѣло по обвиненію іудея Менделя Бейлиса въ убійствѣ изъ побужденій религіознаго изувѣрства, для обрядовыхъ цѣлей, 13-лѣтняго пр. восславнаго мальчика Андрюши Ющинскаго нельзя не признать безпримѣрнымъ историческимъ дѣломъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія. Ритуальные процессы неоднократно возникали у насъ и раньше, но впервые по дѣлу Бейлиса вопросъ о догматѣ крови у іудеевъ былъ поставленъ прямо и опредѣленно на судѣ присяжныхъ, впервые въ предложенномъ на ихъ разсмотрѣніе обвинительномъ актѣ, утвержденномъ Судебною Палатою, было указано, что, согласно заключенію эксперта, «убійства еврейми христіанъ, по религіознымъ побужденіямъ, существуютъ въ дѣйствительности..., что убійство Ющинскаго... носитъ отличительныя и характерныя черты типичнаго ритуальнаго убійства».

Такая постановка вопроса, неизбежная по обстоятельствамъ дѣла, создала ему широчайшій интересъ. Газеты всего міра нестрѣли свѣдѣніями о дѣлѣ Бейлиса, а въ русской прессѣ количество относящихся сюда отчетовъ, статей и телеграфическихъ сообщеній громадно. Усиленная газетная агитація возникла, впрочемъ, задолго до обвинительнаго акта и экспертизы. Она началась сейчасъ же послѣ того, какъ въ мартѣ 1911 года на окраинѣ г. Кіева было обнаружено исколотое и обезкровленное тѣло замученнаго Андрюши, а въ народѣ пошелъ говоръ, что убили мальчика жиды передъ своей пасхой для христіанской крови. Уже съ этого момента вся печать, находящаяся или прямо въ рукахъ іудеевъ, или подъ ихъ вліяніемъ, забила тревогу. Клятвы о томъ, что обвиненіе въ ритуальныхъ убійствахъ есть лишь «кровавый навѣтъ на евреевъ», чередовались съ сенсационными

известіями, что, де, кievское преступленіе «раскрыто» и оказалось самымъ обыкновеннымъ убійствомъ, совершеннымъ безъ всякаго жидовскаго участія.

Чтобы такому раскрытію помочь, появились разслѣдователи-добровольцы и открытія ихъ, одно сенсационнѣе другого, но все благопріятныя еврейству, не сходили съ газетныхъ столбцовъ. Дошло до того, что завѣдывавшій по дѣлу розысками начальникъ Кіевской сыскной полиціи, утверждавшій, что «въ XX в. ритуальныхъ убійствъ не бываетъ», оказался изобличеннымъ въ подлогъ, въ созданіи лжеполичнаго, лжеуликъ, долженствовавшихъ сіи проищательныя утвержденія превратить въ реальный фактъ. Слѣдствіе наткнулось на систематическое, широко организованное противодѣйствіе правосудію и поневолѣ перешло разслѣдованіе самаго дѣла съ обнаруженіемъ такого противодѣйствія. Поведеніе самихъ же іудеевъ дало такой характеръ дѣлу, что, де, еврейство, какъ цѣлое, борется съ предъявленнымъ къ нему обвиненіемъ въ догматъ крови—чѣмъ, разумѣется, было еще болѣе подчеркнута громадное значеніе процесса.

Слѣдственное производство, обнимающее восемь томовъ, производилось два года: съ 21 марта 1911 г. по 1 апрѣля 1913 г. Начато оно было Судебнымъ Слѣдователемъ Б участка г. Кіева, но уже черезъ три дня, 21 марта 1911 г., передано имъ, по предложенію Прокурора, Судебному Слѣдователю Кіевского Окружнаго Суда по особо важнымъ дѣламъ Фененкѣ.

3 августа 1911 г. былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго Мендель Вейлисъ; 5 января 1912 г. слѣдствіе, какъ оконченное, направлено къ Прокурорскому Надзору, коимъ составленъ обвинительный актъ, однако, въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ, 21 іюня 1912 г. дѣло было обращено къ дослѣдованію, которое Министромъ Юстиціи Щегловитовымъ возложено на Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Петроградскаго Окружнаго Суда Манкевича.

Большое и весьма плодотворное участіе въ производствѣ предварительнаго слѣдствія принималъ наблюдавшій за нимъ Товарищъ Прокурора Кіевского Окружнаго Суда Карбовскій.

[Судъ надъ Вейлисомъ происходилъ въ Кіевѣ 34 дня—съ 25 сентября по 28 октября 1913 года. Все это время присяжные вассдатели домой не отпускались и ночевали въ зданіи Суда.

Предсѣдательствоваль Предсѣдатель Кіевскаго Окружнаго Суда Болдыревъ, въ составѣ трехъ членовъ Суда—князя Жевахова, Вигуры и Юркевича. Обвиняль Товарищъ Прокурора Петроградской Судебной Палаты Винперъ. Гражданскими истцами были присяжный повѣренный округа Московской Судебной Палаты Шмаковъ и членъ Государственной Думы Замысловскій. Шмакову помогаль помощникъ присяжнаго повѣреннаго Дурасовичъ. Защищали Вейлнса пять присяжныхъ повѣренныхъ—трое Петроградскихъ: Грузенбергъ, Карабчевскій, Зарудный; одинъ Московскій—членъ Государственной Думы Маклаковъ и одинъ мѣстный, Кіевскій—Григоровичъ-Барскій. Цѣлый рядъ ученыхъ явился въ качествѣ экспертовъ.

Въ залѣ засѣданій были заблаговременно сооружены особые хоры для представителей печати, конхъ туда вмѣстилось огромное количество. Въ столичныя газеты ихъ сотрудники, специально командированные на процессъ, посылали о ходѣ его ежедневно длинныя телеграфныя отчеты. Особо приглашенные стенографы записывали все, происходившее на судѣ, дословно, стенографически, расшифровывая немедленно, въ тотъ же день, свои записи и предоставляя ихъ къ оглашенію. Если подсчитать только эти расходы: на стенографированію, печатанію, передачу отчетовъ телеграфомъ—то получится громадная сумма.

Въ такихъ условіяхъ не протекаль у насъ ни одинъ судебный процессъ.

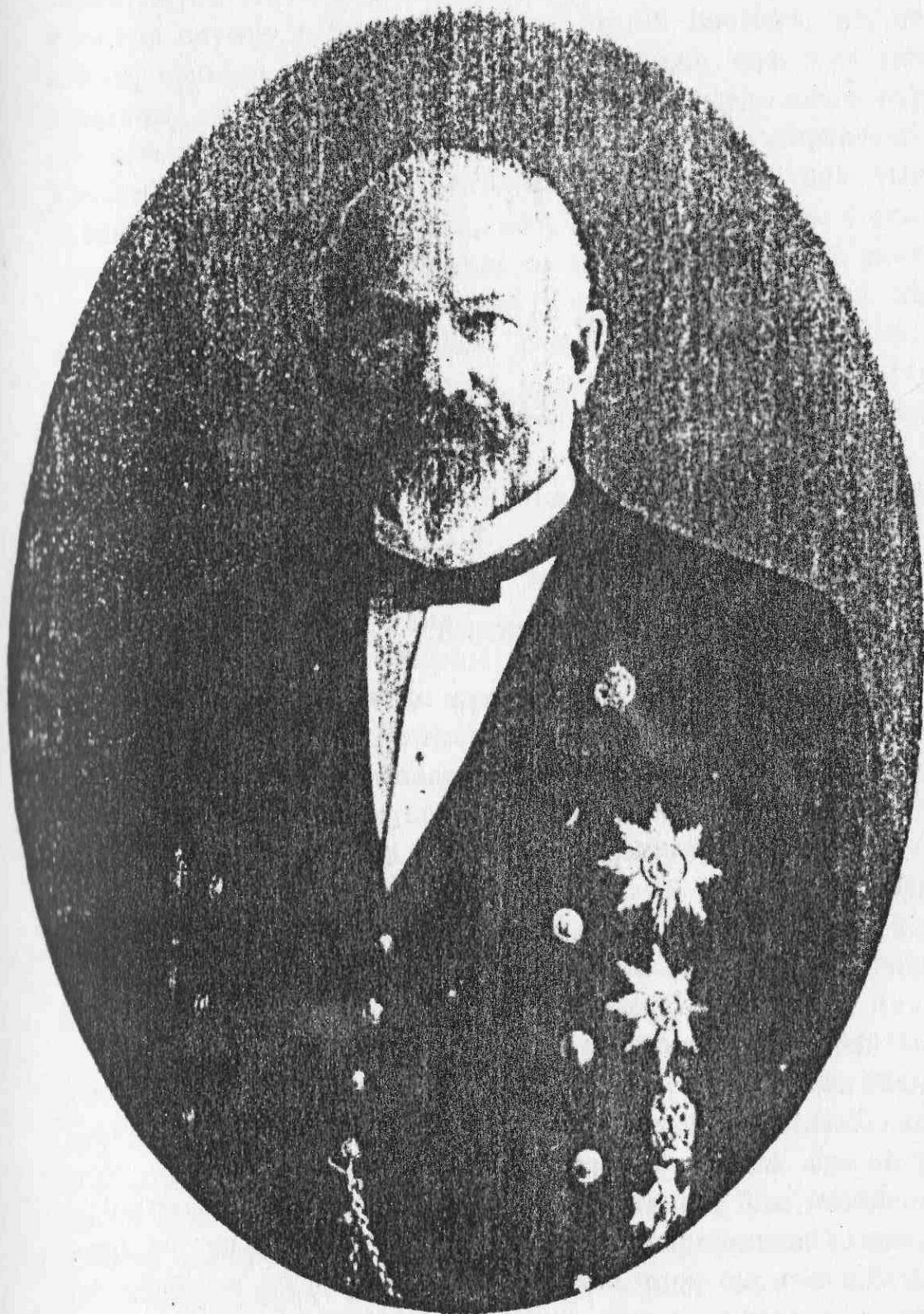
О томъ, какой общій интересъ возбуждало дѣло, можно судить по грудѣ писемъ и телеграммъ, полученныхъ его участниками со всѣхъ концовъ Россіи. Въ обширѣйшемъ матеріалѣ, который былъ, напримѣръ, адресованъ на мое имя, можно найти содержаніе самое разнообразное: тутъ большею частью привѣтствія, одобренія, совѣты, пожеланія успѣха со стороны лицъ, часто совершенно незнакомыхъ; даже присылка ими сочиненій, которыя они считали рѣдкими, малозвѣстными, но имѣющими отношеніе къ ритуалу. Зато попадаются и осужденія, ругательства, угрозы, даже убійствомъ.

Великая заслуга, что дѣло, несмотря на всѣ козни и противодѣйствія, было доведено до суда, до гласнаго, публичнаго разбирательства, принадлежитъ тогдашнему Министру Юстиціи, Ивану Григорьевичу Щегловитову, и достойному его помощнику по Кіеву—Прокурору Кіевской Судебной Палаты Георгію Гавриловичу Чаплинскому. Непокколебимому чувству долга этихъ госу-

дарственныхъ дѣтелей обязана Россія тѣми разоблаченіями, ужасными для жидовства, которыя далъ процессъ Вейлиса.

Панисель и частныя лица, поставившія самоотверженное служеніе раскрытію дѣла выше своихъ личныхъ интересовъ. Закончу настоящее вступленіе нѣсколькими словами о томъ изъ этихъ людей, кто героически погибъ преждевременною смертію, о студентѣ Кіевскаго университета Владимірѣ Степановичѣ Голубевѣ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что дѣло объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго не дойдетъ до гласнаго суда. Сейчасъ же послѣ обнаруженія тѣла замученнаго мальчика Голубевъ принялся цѣлыми днями изучать мѣстность, гдѣ былъ найденъ трупъ, разспрашивать тамошнихъ обывателей и добылъ данныя весьма цѣнныя. Стоя во главѣ патріотическаго общества Кіевской молодежи «Двуглавыи Орелъ», Голубевъ былъ непреодолимою преградой для всѣхъ попытокъ въ дѣлѣ Вейлиса обработать кіевское общественное мнѣніе подъ жидовскіи камертоны. Убѣжденность этого человѣка, его идейность и чистота были настолько сильны, ярки, что даже его враги, захлебывавшіеся отъ ненависти къ нему, взводили на него обвиненіе въ неправдѣ, въ неискренности не рѣшались. Какъ только началась война, Голубевъ пошелъ въ армію, былъ серьезно раненъ въ голову и отправленъ на излеченіе въ Кіевъ, однако, съ еще незажившей раной, вернулся на фронтъ, опять былъ раненъ во время развѣдки, но легко, остался въ строю и убитъ пулею, когда, командуя въ качествѣ прапорщика взводомъ, хотѣлъ вести его въ атаку. Офицерскіи Георгіевскіи крестъ уже не засталъ Голубева въ живыхъ.

Для меня дѣло объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго неразрывно связано съ воспоминаніями о незабвенномъ Владимірѣ Степановичѣ Голубевѣ.

Mr. Meirovich